

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ ПРОТИВ КОРРУПЦИИ

АРГУМЕНТЫ
В ОБОЙМЕ

РОМАН

Роман Уланов

Александр Тамоников

Аргументы в обойме

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Аргументы в обойме / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2018 — (Роман Уланов)

ISBN 978-5-04-097761-1

Исключительная правда о войне, какой бы она ни была. Суммарный тираж книг автора – около 10 миллионов экземпляров. На митинге в честь Дня города убит действующий глава администрации района. К расследованию подключается случайно оказавшийся на месте преступления отставной майор спецназа Роман Уланов. От вдовы убитого он узнает, что у покойного было немало врагов, в том числе бывший глава администрации. Этот чиновник конфликтовал с новыми властями, пытаясь незаконно захватить землю под строительство пансионата для местных олигархов. Понимая, что для достижения своей цели статусный коррупционер не остановится ни перед чем, Уланов решает вернуться к старому проверенному способу – вооруженному сопротивлению...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097761-1

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Аргументы в обойме

Александр Тамоников

© Тамоников А. А., 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава первая

Автоколонна состояла из шести топливозаправщиков и двух бортовых «КамАЗов» с тентами, перевозивших боеприпасы и вещевое имущество. В охранении шли две БМП-2 с отделениями мотострелков и бронетранспортер с боевой группой «Шторм». Машины перевалили через горный перевал и оказались на галечной площадке, перед которой вниз обрывалась извилистая дорога – серпантин.

Для продолжения движения требовалось выслать вперед разведку, так как, по данным штаба мотострелкового полка, в этом районе объявилась довольно крупная банда. Она пробила заслон, выставленный пограничниками, и затерялась в горах. Далеко не факт, что эта банда находилась где-то рядом. Скорее всего она ушла лесами к заранее оборудованному лагерю, где намеревалась отсидеться, пока пройдут поисковые мероприятия, проводимые подразделениями Росгвардии с привлечением авиации, в основном вертолетов и беспилотников. Но никто в штабе полка не исключал и вероятность того, что банда вышла именно на эту колонну, имела цель уничтожить ее. В случае успеха несколько блокпостов, прикрывающих район долины, не получили бы горючки, боеприпасов и всякого прочего груза.

Старшим колонны являлся начальник службы ГСМ мотострелкового полка капитан Валерий Обозин. Охранением командовал молодой прапорщик Геннадий Хорошин. Но в реальности перемещением колонны руководил командир группы спецназа «Шторм» майор Уланов. И как старший по званию, и как... человек, гораздо более опытный в боевой работе. Он имел в своем распоряжении пятерых таких же офицеров и прапорщиков, прошедших огонь и воду. В медные трубы люди подобного рода обычно не попадали.

Когда передовая БМП поднялась на площадку и вышла к спуску по серпантину, именно Уланов приказал прекратить движение и рассредоточить технику. Пехота немедленно соскочила с брони и заняла круговую оборону на удалении в тридцать-пятьдесят метров от машин.

При этом майор понимал, что здесь невозможно организовать нападение с целью уничтожения всей колонны. Да, пара духов с гранатометами могла закрепиться на вершине. Но до нее семьсот метров. Это предельная дальность для РПГ-7, не говоря уже об одноразовых гранатометах. Чтобы пустить выстрел с такого расстояния, надо подняться в полный рост, положить гранатомет на плечо, тщательно прицелиться. Чтобы этого не произошло, пехотинцы и заняли оборону. Уж если кто-то увидит гранатометчика, то солдаты тут же снимут его. Благо в отделениях были и пулеметчики РПК, и снайперы с винтовками «СВДС».

Уланов остановил колонну, довел до начальника, капитана Обозина, порядок временной стоянки, потом приказал своим бойцам спешиться.

Они собрались у бронетранспортера. Внутри остались штатные члены экипажа, военнослужащие мотострелкового полка.

Уланов вызвал к бронетранспортеру начальника колонны, капитана Обозина и командира неполного взвода охранения, прапорщика Хорошина.

Пока командир связывался с ними по радиостанции, старший лейтенант Демко, стоявший рядом с ним, потянулся. Прапорщик Молчунов осмотрелся, поднял голову. Облака проплывали так близко, что казалось, залезь на БМП или БТР, протяни руку и достанешь. Среди них пробивалось солнце, не особо жаркое. Оно прогревало воздух до двадцати четырех градусов.

– Эх, горы, мать их! – проговорил Молчунов.

Заместитель Уланова капитан Чернов с удивлением посмотрел на него и заявил:

– Не понял. Тебе что-то не нравится, прапорщик?

– Мне, капитан, нравится все, особенно женщины, такие худенькие, миниатюрные, непременно с короткой стрижкой, морально подвижные, не особо сдержанные в плане секса.

– Ну это понятно. Такие нравятся большинству мужчин, но горы-то при чем? Ты же упомянул их?

– А горы, Дима, мне уже осточертели. Сколько выходов у нас было на Кавказе, в Таджикистане? Не сочтешь. По мне лучше сирийская пустыня, а еще краше наши родные подмосковные просторы, березки, озера с карасем и плотвой...

Майор Уланов оборвал прапорщика:

– Саша, не соизволишь заткнуться?

– Есть, заткнуться.

– Так-то лучше.

Подошли начальник ГСМ и прапорщик.

Уланов спросил у них:

– Кто из вас ходил по этой дороге?

– Я, – отозвался Хорошин, – правда, в составе роты. Мы выходили на прикрытие селений, расположенных в долине, когда банда Алана здесь свирепствовала.

Майор кивнул и продолжил:

– По карте видно, что серпантин разделяется на два участка, примерно равных по длине. Между ними находится относительно ровный участок местности. Его длина составляет километр двести метров.

– Так точно, товарищ майор, – ответил прапорщик, – сначала с километр серпантин с высокими скалистыми склонами, затем ровный участок шириной метров сто. Потом опять извилистая дорога в каменном мешке, выходящая прямиком на равнину и на первый блокпост у селения Чергой. Дальше вдоль предгорья довольно неплохая дорога...

– Понятно, – проговорил Уланов, подозвал своих подчиненных поближе, указал на карту и проговорил:

– Здесь мы, дальше километр серпантина. Дорога извилистая, узкая, две машины не разъедутся. По бокам скалы высотой триста пятьдесят метров. Вопрос такой: возможно ли на этом участке нападение на колонну?

Спецназовцы пришли к выводу, что это вряд ли реально, если судить по карте, но посмотреть участок, хотя бы треть его, не помешает.

Уланов согласился и заявил:

– Да, проводим разведку. – Он взглянул на заместителя, капитана Чернова, и распорядился: – Ты, Дима, берешь с собой Лютикова с Молчуновым, на БМП проходишь триста метров серпантина, все внимательно смотришь. Связь со мной по необходимости. Задачу объяснять не надо. Она и без того ясна. Пока вы будете проводить разведку, мы стоим здесь.

– Мы отходим отсюда на триста метров, а дальше что?

– Вы стоите там и контролируете обстановку.

– Значит, не возвращаемся?

– А зачем? Если духи каким-то образом закрепились на склонах, вы их обнаружите и собьете со скал огнем скорострельной пушки. Угла подъема должно хватить. А нет, мы подскочим либо ты получишь приказ на отход. В общем, стандартная задача.

– Понял! Выдвижение немедленно?

Уланов посмотрел на прапорщика Хорошина и спросил:

– Надеюсь, Гена, ты не против, если мы покатаемся на твоей БМП? На ней удобнее, чем на транспорте.

– Не против, конечно. Катайтесь сколько угодно.

– У тебя механик в передовой машине опытный?

– Контрактник. Сержант, третий год служит здесь, на Кавказе. Через пару лет он...

Уланов прервал Хорошина:

– Давай о том, что планирует сержант сделать через два года, поговорим позже, на первом блокпосту.

– Да, товарищ майор. Один вопрос. Командира и наводчика оставить?

– Только наводчика. Командир машины будет не нужен. Хотя как стрелок сгодится.

Ладно, оставляй.

– Разрешите выполнять?

– Давай. Поставь задачу экипажу и командуй своими пехотинцами, следи, чтобы не вылезли духи на вершине. А то прилетит мина под названием «Василек», и базарить здесь некому будет. Подрыв одного заправщика уничтожит всю колонну вместе с боевой техникой. Не думаю, что ты хочешь заживо сгореть.

– Скажете тоже, товарищ майор. Боже упаси от такой судьбы.

– Веришь в Бога?

– Раньше не верил, сейчас да. Знаете, служба идет легче, когда ощущаешь, что кто-то все-таки заботится о тебе. Возможно, это иллюзия, но она помогает.

– Вот и хорошо. Давай работай!

– Есть!

– А что делать мне? – спросил начальник колонны.

– А с тобой, Валера... ты не против, если я к тебе по имени?

– Не против.

– С тобой, Валера, мы обговорим порядок действий в случае нападения на колонну на ровном участке или в ущелье.

– Считаете, что оно возможно?

– В этом мире, Валера, нет ничего невозможного. Конечно плохо, что полк не имеет разведанных по банде Мадур, которая может находиться здесь. А раз так, то надо просчитать вариант вероятного нападения. Но давай короче, капитан. Как выйдем в ущелье, сразу же передашь команду старшим машин увеличить дистанцию до пятидесяти метров. Тогда поражение одного «наливника» не вызовет подрыв других. Вряд ли у банды есть шесть гранатометов РПГ-7. Их вместе с выстрелами надо было тащить через границу. Это не очень удобно, особенно при прорыве. Надо признать, что боевики провели его весьма грамотно и умело. Но один-два гранатомета у них есть. Из засады они могут поджечь пару «наливников», но не больше. Мои ребята вычислят их позиции и накроют. Это по худшему варианту. Обычно мы обнаруживали гранатометчиков до выстрелов, так как они открывались. Дальше видно будет. Главное для тебя – растянуть колонну в ущелье, дабы не допустить подрыва всех машин от пары выстрелов гранатометов. Понятно?

Капитан кивнул и сказал.

– Это понятно. А дальше?

– При нападении будем действовать по обстановке.

– Ясно. Я могу идти?

– Странный ты, Гена, не знаешь, что можно, а где разрешите?

– Вы о Машке под забором?

– О ней, родимой. Иди и не паникуй. Смотрю, нервничаешь. Впервые на выходе?

– Да, – просто и честно ответил начальник службы ГСМ мотострелкового полка.

– Постарайся расслабиться, хотя вряд ли тебе такое удастся. Придется, Валера, пережить это. В следующий раз будешь спокойнее, а потом привыкнешь.

Капитан отрицательно покачал головой и проговорил:

– Нет. Я после этого рейса убываю в отпуск, потом – к новому месту службы на должность начальника ГСМ дивизии.

– Вот как? Поздравляю. И далеко переводят?

– В Западный округ, Ленинградская область. Точнее сказать не могу, сам не знаю.

– Неплохо. Там хату получишь. Семья-то есть?

– Есть, жена и дочь.

– Вот и заживешь с семьей без проблем. Начальник ГСМ дивизии – майорская должность. Получишь это звание и дослужишь под Питером до пенсии.

– Для этого еще надо вернуться в полк.

– Вернемся обязательно.

– Разрешите идти?

– Иди, Валера!

Уланову не понравилось настроение капитана. В нем чувствовалась какая-то фатальная обреченность, страх.

«В таком настроении в бой вступать нельзя, – подумал он. – Обязательно попадешь под первую же пулю или осколок. Надо было заявить ему, мол, если нас духи обстреляют, то хватай автомат, дуй в ближайшее укрытие и сиди там, пока не закончится бой. Но как скажешь такое? Он наверняка обиделся бы.

Впрочем, совсем плохо будет, если начальник службы ГСМ впадет в панику. В бою это верная и скорая смерть. Не путать с быстрой. Та хороша. Хуже, когда с отсрочкой. От ранения в живот или печень. Когда боль будет рвать тело, а в голове сверлить, – это все!».

Майор тряхнул головой, сбрасывая с себя эти невеселые мысли, подошел к краю площадки, оттуда вниз нырнула БМП с его разведчиками, справа увидел валун. Странно, но до этого он его не замечал, а вся площадка была как на ладони. Откуда взялся? И валун ли?

Он скинул с плеча автомат, обошел эту глыбу. Вроде все нормально. Самый обычный камень.

Уланов поставил на валун ногу и... почувствовал, как провалился в пропасть. Резанула боль в ноге, груди, голове. Он падал в какую-то шахту, бился о ее стены. Ему стало нестерпимо жарко.

Удар... и вдруг совсем рядом:

– Рома! Что с тобой?

Черт возьми, женский голос, но откуда он здесь?

Его кто-то толкнул в спину, и он... проснулся.

Уланов сидел на кровати в спальне. Все тело в липком поту. Рядом Людмила.

– Что ты, Рома? Опять кошмар?

Уланов пришел в себя и ответил:

– Да, будь он проклят.

Кошмары начали преследовать его после тех самых событий, которые и снились ему, командиру группы спецназа, уволенному в запас. Тогда он пережил сильный стресс. Ночи стали кошмарами. Такое случалось не всегда, но часто.

– Извини, дорогая. – Уланов взглянул на женщину. – Я разбудил тебя.

– Ну, что ты, Рома, – ответила она, – я все понимаю.

– Пойду приму душ.

Роман взглянул на часы. Два часа ночи. Наступила суббота, 3 сентября.

Он поднялся, прошел в ванную, минут десять стоял под контрастным душем, выкурил сигарету на кухне, вернулся в спальню.

Людмила ждала его, обняла, когда он лег, и проговорила:

– Спокойной ночи, Рома. Пусть тебе приснится что-нибудь хорошее.

– Я был бы не против.

Он лег на спину... закрыл глаза.

К нему тут же вернулось то, что прервалось, но уже в другом ракурсе...

Майор Уланов вышел к краю площадки, увидел БМП, уходящую вниз по серпантину, на броне которой сидели его подчиненные. Потом он посмотрел на скалы, сжимавшие дорогу в самом начале маршрута. Там порхал с куста на куст скворец. Он спокойно ворковал, иногда посвистывал. Это означало, что никакой угрозы для него поблизости не было. Ни людей, ни зверья.

Впрочем, хищники сейчас спали, их время ночь. А вот люди? Да, хорошо, что никого из них на вершинах не было.

Через пять минут Уланов вызвал на связь своего заместителя:

– Второй, здесь Первый!

– Отвечаю, – услышал он голос Чернова.

– Что?.. – кратко спросил командир группы.

– Пока все спокойно. Прошли треть пути.

– Дорога?

– Проходимая, но узкая, «наливникам» и грузовикам придется идти впритирку к скалам.

– Вершины?

– Снизу видны сплошные скалы и только наверху тонкая полоска неба. Чтобы устроить здесь засаду, надо спускать духов на тросах.

– Это никто не станет делать.

– Вот и я о том же!

– Продолжай движение! – приказал Уланов, перевел станцию в режим «приема» и вернулся к технике.

К нему подошел прапорщик Хорошин.

– Разрешите доложить, товарищ майор?

– Валяй! – Уланов прикурил сигарету, предложил и прапорщику, но тот оказался некурящим.

– Ничего подозрительного не обнаружено. Снайперы смотрят через прицелы, контролируют вершину.

– Понятно. Пусть они продолжают наблюдение.

– А что на серпантине?

Майор взглянул на прапорщика. В войсках вообще-то не принято задавать вопросы старшим, но Уланов понимал состояние этого парня и ответил:

– Пока там все спокойно.

– Ну и хорошо.

Из-за топливозаправщика вышел начальник колонны и спросил:

– Товарищ майор, долго мы еще будем здесь стоять?

– Ты куда-то спешишь?

– Нам надо три блокпоста обслужить. Первый-то ладно, он рядом с перевалом, а остальные в двадцати-тридцати километрах от него.

Роман кивнул и сказал:

– Мне известно, где находятся блокпосты.

– А нам еще возвращаться по этим чертовым серпантинам.

– Смотрю, ты пришел в себя, капитан. Это хорошо. Задачу в ущелье помнишь?

– Я пока еще не склеротик.

Уланов улыбнулся и заявил:

– Ключевое слово в твоей фразе – пока. Но с возрастом это исправится. Если, конечно, доживешь.

Зачем и почему он добавил это?

Вскоре Уланова побеспокоил Чернов:

– Второй вызывает Первого!

– Да?!

– Прошли расстояние, указанное вами. Впереди незначительное расширение дороги, скалы по-прежнему накрывают серпантин, полоса изменилась по ширине. Встали, смотрим!

– Четвертого и Шестого направь дальше по дороге, но не далее расстояния взаимной видимости, – приказал Уланов.

– Это метров сорок.

– Значит, на сорок метров. Там им ждать и смотреть.

– Понял, выполняю!

– Мы начинаем спуск.

– Принял.

Уланов подозвал к себе капитана Обозина и прапорщика Хорошина. Он приказал начальнику колонны подготовить машины к спуску, вытащить из ящиков специальные металлические «башмаки» – противооткатные упоры для колес.

При спуске, как и подъеме, иногда глож двигатель. Тогда требовалось действовать быстро, включить пониженную передачу, затянуть стояночный тормоз, поставить «башмаки» под колеса. Иначе машина пошла бы вниз, рискуя свалиться в пропасть, воткнуться в скалу или склон.

Прапорщик Хорошин получил команду отозвать солдат с позиций обороны и посадить на броню.

Через семь минут машины начали спуск на скорости в двадцать километров в час, с соблюдением дистанции в два десятка метров. За «КамАЗом» начальника колонны шел бронетранспортер с тремя спецназовцами. В замыкании двигалась БМП-2, задрав до предела тридцатимиллиметровую пушку.

Через триста метров на броню транспортера сели Чернов, Лютиков и Молчунов. Солдаты перебежали с тыловой БМП на головную. Все это произошло в движении.

Первый спуск машины прошли благополучно. У выхода на ровный участок, с пологими склонами Уланов вновь остановил колонну. На этот раз на разведку пошла вся группа «Шторм».

Бронетранспортер встал на середине участка. Офицеры и прапорщики через оптику смотрели на склоны. Они не замечали ничего подозрительного, если не считать отсутствия птиц, хотя растительности здесь было больше. Кто-то спугнул их раньше? Или они улетели, когда подошла колонна?

Это обстоятельство рождало чувство тревоги в душах спецназовцев.

Они переглянулись, потом Уланов проговорил:

– Что-то, парни, здесь не так.

Тут же сбоку по правому склону хлестнул из снайперской винтовки «СВДС» Гена Лазарев. Следом прозвучал хлопок в кустах у подножия. Оттуда в небо пошла граната, выпущенная из РПГ, и взорвалась над дорогой. Затем из тех же кустов вывалился человек в натовском камуфляже.

Спецназовцам все стало ясно. Вот она, засада.

Обычно они устраиваются там, где противник их не ждет. На этот раз боевики пошли от обратного. Они обустроили позиции в самом удобном месте для атаки.

Спецназ, натренированный на такой случай, в момент слетел с брони и укрылся за ближайшими камнями. Проинструктированный наводчик сначала развернул пушку влево, дал очередь, потом выпустил с десятков снарядов в правый склон. Все это одновременно с массированным огнем, открытым боевиками.

Уланов приказал экипажу бронетранспортера покинуть его. Очевидно, что он станет целью выстрела РПГ или попадет под одноразовую «Муху». Так оно и произошло, но солдаты успели выпрыгнуть из люков и расположиться в канаве.

Предупреждать начальника колонны или командира взвода охранения не имело смысла. Они и так все поняли.

Надо отдать должное прапорщику Хорошину. Он подвел тыловую БМП к головной, и они вместе ударили по склонам. Этот парень допустил одну-единственную ошибку. Ему следовало бы занять оборону за БМП, но он решил вывести пехоту вперед, где было больше пространства и... попал под пулю снайпера. Пуля разбила череп прапорщика, и он рухнул перед носом головной БМП. Солдаты ненадолго растерялись, затем заняли оборонительные позиции.

Спецназ разделился на две подгруппы. Трое во главе с Улановым открыли огонь по левому склону, остальные с Черновым били по правому.

Бронетранспортер сгорел быстро. Техника вообще полыхает недолго, будь то грузовой автомобиль или танк.

Обстрел боевиков прекратился так же неожиданно и одновременно, как и начался. Пушки БМП и солдаты еще минуту продолжали пальбу. Потом Уланов отдал приказ прекратить огонь. Замысел противника неясен, возможности неизвестны, места рассредоточения выявлены частично, а боекомплект не резиновый. Закончатся все патроны и снаряды, и останется только либо рукопашка, либо подрыв самого себя гранатой. Она всегда была под рукой у каждого бойца, дабы не попасть в плен.

Наступила тишина. Дым от сгоревшего бронетранспортера затянул ущелье. Ни черта не видно. Ни своих, ни чужих. Но это касалось и боевиков. Если спецназ и пехота их не различали, то и они не могли прицелиться. У них тоже с боеприпасами не густо. Поэтому духи и прекратили огонь. Они не хотели известить весь свой боекомплект.

Уланов решил спуститься дальше по участку, за границу дымовой завесы. Для чего, он и сам толком не знал. Но майор встал, в открытую, даже не пригибаясь, прошел метров двести, выбрался на чистый воздух. Здесь, как и в начале, расщелина имела довольно широкое дно и пологие склоны, почему-то совершенно лишённые растительности. Это удивило Романа.

Он хотел связаться с заместителем, но станция вдруг взбунтовалась, издала какую-то странную мелодию. Майор с недоумением посмотрел на нее, положил в чехол, поправил автомат, сменил магазин.

Примерно метрах в десяти от него лежал большой валун, наверняка принесенный сюда водой. Во время дождей такие вот участки превращались в бурные реки.

Уланов дошел до валуна, услышал чье-то покашливание, прыгнул к камню и огляделся. Ветер уже снес дымовую завесу к верхней части серпантина, но ни БМП, ни машин за ними, ни даже сгоревшего бронетранспортера майор не увидел.

Вскоре кто-то кашлянул с обратной стороны валуна. Уланов медленно начал обходить его.

Боевик появился неожиданно, как и всегда. Но только странный какой-то, в гражданском костюме, при галстуке. В руке пистолет.

Он увидел майора, усмехнулся, сунул ствол в кобуру под пиджак, достал нож и заявил:

– Ну что, Улан, вот мы и встретились.

– Откуда ты знаешь меня? – спросил майор.

– А ты разве не помнишь?

– Что я должен помнить?

– Ташкент, прошлый год, ресторан, водочка под хорошую закуску, девочки. Мы потом к ним на хату поехали.

– Да кто ты, мать твою? – вскрикнул Уланов.

– Как кто? Я твоя смерть. Не смотри, что в мужском обличье. Я бываю разной. Хотела еще тогда в Ташкенте тебя забрать, но мне помешали эти самые барышни. Уж слишком активно ты кувыркался с одной из них. Решила подождать. Вот и дождалась.

В голове Уланова царил сплошной бардак. Он помнил Ташкент, ресторан, расположенный недалеко от бывшего штаба Туркестанского военного округа, где всегда было много женщин. Но это вот существо Роман видел впервые.

– Ты не помнишь главного, – проговорило оно и спросило: – Ты молитвы какие-нибудь знаешь?

– Знаю!

– Ну и молись.

Уланов сдвинул переводчик огня и нажал на спусковой крючок. Однако пули отчего-то отлетели всего на метр.

Перед Романом уже стояло не потустороннее существо в костюме и при галстук. Это был самый натуральный боевик с пистолетом в руке. Он поднял его. Грянул выстрел. Резкая боль ударила в голову майора, в глазах его вспыхнул яркий огонь. Он почувствовал, что падает на землю.

Людмила не смогла удержать Уланова, соскользнувшего с постели, бросилась к нему. Он лежал на полу, обхватив голову руками.

– Господи, Рома, да что это с тобой?

– Уйди, сука, прибью, – выкрикнул майор так громко, что это наверняка слышали соседи.

– Спокойно, Рома. – Она похлопала его по щекам.

Он очнулся.

– Люда? А где этот... эта смерть и дух?

– Боже мой, милый! Опять сон.

– Сон?

Уланов огляделся. Он находился в спальне своей квартиры. Рядом любимая женщина, а он опять весь в поту.

– Сон. Да, так можно с ума сойти, – проговорил отставной майор, сел, прижался спиной к кровати.

Людмила присела рядом с ним и сказала:

– С этим надо что-то делать, Рома.

– Ты знаешь, что именно?

– Знаю. Лечиться.

– Где?

– Я найду специалиста.

– Ну да, конечно. Я в ванную.

Роман принял душ. На этот раз он стоял под горячими и холодными струями куда дольше, затем прошел на кухню, выбил из пачки сигарету, прикурил. Голова у него побаливала, не сказать, чтобы сильно, как-то притупленно, тягуче.

Подошла Людмила, достала из холодильника бутылку водки, открыла ее, вынула из шкафа фужер, наполнила его и сказала:

– Выпей. Вдруг это хотя бы на сегодня поможет.

– А ты уверена, что не будет хуже? Думаю, тебе лучше уйти, или закрыться в зале. А то наделаю беды, будучи не в себе.

– Ты выпей, дальше видно будет.

– Ты же стоматолог, а не психиатр и не терапевт.

– Ну тогда «Скорую» вызываем? Только что скажем врачу? Ты сейчас нормальный, а бригада вряд ли будет ждать твоей очередной ночной схватки с боевиками.

Майор кивнул и сказал:

– Это точно. Еще и за ложный вызов платить придется. Ну давай водку.

Он выпил и даже не почувствовал ни крепости, ни запаха, ни вкуса.

Людмила взялась за приготовление бутерброда, но Уланов заявил:

– Не надо, у меня же есть курятина. – Он показал на дымящую сигарету.

Водка подействовала. Сначала она прошла приятным теплом по телу, затем растеклась легким опьянением по мозгу. Роману стало гораздо легче.

– А что тебе снится, Рома? – спросила Людмила.

Уланов затушил окурки в пепельнице и пересказал ей свой сон. Упомянул он и о том, как погиб начальник колонны капитан Обозин. Пуля ударила в борт бронетранспортера и рикошетом угодила ему прямо в глаз.

– Вот так он и заменился, словно предчувствовал свою смерть, вел себя беспокойно, – проговорил Роман. – Потом мы ушли с открытого участка, добрались до блокпоста, доложили оттуда о том, что с нами произошло. Дальше неинтересно. Сон возвращает меня именно в этот бой, хотя были другие, куда более сложные и кровавые. Почему так? Не знаю.

Людмила кивнула и сказала:

– Попробуем уснуть?

– Ну не сидеть же до утра на кухне. Пошли, может водка отогнала воспоминания.

Они легли. Уланов спал без всяких кошмаров.

Проснулись они позже обычного, завтракали в девять часов. У Людмилы выпали выходные, а Уланов до сих пор нигде не устроился. Деньги у него были, а мысли о работе при этом второстепенны.

Одноклассник Романа подполковник полиции Боря Гарин нашел ему должность начальника охраны одного крупного бизнесмена здесь, в Переславле, но дело до конца так и не довел. Ему самому светила должность заместителя начальника областного Управления внутренних дел. Но для этого надо было пройти районную ступень. Гарин, естественно, согласился и переехал в город Балаев, расположенный в ста километрах от областного центра. Вот он и не завершил трудоустройство Романа.

Но Уланов, собственно, не переживал об этом, знал, что профессионал его уровня без работы и денег не останется. Надо лишь заявить о себе. Он сделает это, но позже.

Сейчас Роман и Людмила переживали что-то наподобие медового месяца, хотя и не расписывались. С этим тоже успеется. У них вся жизнь впереди.

Людмила после завтрака занялась мытьем посуды. Уланов открыл форточку. За окном светило солнце. Свежий воздух хлынул на кухню.

В зале сигналом вызова сработал сотовый телефон Уланова.

– Интересно, кто это?

– Ты поговори, а потом я позвоню одному человеку, специалисту по ночным кошмарам.

– Ладно, – сказал Роман, прошел в зал, сел в кресло, включил сотовый телефон. – Да?!

– Привет, Рома! – услышал он голос Гарина.

– Боря. Привет! Признаться, не ожидал звонка.

– У вас с Людмилой завтра выходные? Вернее, она свободна? Ты-то постоянно отдыхающий.

– Свободна, а что?

– У нас в Балаеве завтра, четвертого сентября, – День города. Открытие памятника жертвам политических репрессий. Мероприятия запланированы с 10.00 до 12.00. Потом гулянья, концерт во Дворце культуры. А места у нас, сам знаешь, какие. Вот и подумал, что засиделся ты с Людой в городе, не мешало бы вам развеяться. Проедем на остров, есть тут такой, посреди реки. Шикарное место, хороший дом. А рыбалка там такая, какой ты нигде больше на нашей реке не увидишь. Отдохнем по полной программе.

– Не знаю, Боря, у меня тут одно дело намечается. Давай так. Я тебе вечером перезвоню, добро?

– Добро. А дело не с той работой, которую я хотел тебе подогнать, связано?

– Нет.

– Ты не думай, я не забыл. Буду в городе, завершим начатое.

– Поговорим еще! Жди звонка.

– Давай. И не вздумай отказываться, пожалеешь потом.

– Да, – сказал Уланов и отключил телефон.

Людмила подошла к нему и поинтересовалась:

– Кто звонил?

– Борька Гарин. У них в Балаеве завтра День города, открытие какого-то памятника, потом рыбалка на острове. – Он передал ей суть разговора с одноклассником.

– Но ты ведь понимаешь, что поездка напрямую будет связана с результатами посещения того специалиста, о котором я говорила? – спросила Людмила.

– Конечно. Мне очень не хочется видеть кошмарные сны. Ты уже договорилась о приеме?

– Сейчас позвоню. – Она взяла свой телефон, набрала номер. – Эдуард Николаевич? Доброе утро, это Седова Людмила. Я тоже очень рада. Как же, конечно, помню. Вот и хорошо. Но если что, заходите. – Женщина рассмеялась. – Понимаю. Да, знаете, мне так неудобно... в общем у меня к вам просьба...

Людмила попросила неизвестного Уланову Эдуарда Николаевича посмотреть его.

– Да, кошмары. В последнее время чаще. Да, с ним было то, что могло провоцировать их. Сегодня? Да, конечно, подойдет. В 14.00 мы будем у вас в клинике. Охрана?.. Поняла, да. Спасибо вам, Эдуард Николаевич. Как это не за что? Вы тратите свое свободное время. Хорошо, и все равно спасибо. – Людмила отключила телефон.

– Как я понимаю, твой специалист готов принять меня уже сегодня, не так ли?

– Да, в 14.00.

– Он реально может помочь?

– Это лучший психоневролог не только в области, но и в России. Его приглашали на работу во Францию.

– Почему отказался?

– Здесь работа есть. Он вообще странный человек, как, наверное, каждый гений.

Уланов усмехнулся.

– Ну прямо гений?!

– Да. Он лучший в своем деле.

– А кстати, дорогая, как ты с этим лучшим гением познакомилась и сколько ему лет?

– Лет около шестидесяти, а познакомилась в клинике. Ему неудачно вырвали зуб, не у нас, а где-то в другом учреждении, воспалились десны, развился пародонтит. Не буду замораживать тебя деталями. В общем, я помогла ему. Вылечила. Он сказал, что теперь в долгу. Вот я и воспользовалась ситуацией.

– Ладно, посмотрим, на что способен твой гений психоневролог. Хуже, надеюсь, не будет.

В 13.40 Уланов подвел автомобиль к воротам в высокой решетчатой ограде, окружавшей здание из стекла и металла.

– Приехали, – сказал он и посмотрел на Людмилу.

– Идем!

– Охрана пропустит?

– Пропустит.

К калитке ворот вышел охранник в униформе.

– Здравствуйте, мы к Эдуарду Николаевичу Соколову, – сказала Людмила.

– Добрый день, он ждет вас. Машину можете оставить здесь. Мы присмотрим за ней. Как пройти к профессору, знаете?

– Нет!

– Центральный вход, по лестнице на второй этаж, левое крыло, кабинет увидите. Он там один.

– Спасибо!

– Пустяки. А за машину не волнуйтесь.

Уланов бросил взгляд на охранника. Уж о чем он сейчас меньше всего думал, так это о своем подержанном «Рено».

Они прошли в здание.

Уланов поморщился.

– Что такое, Рома? – спросила Людмила.

– Ненавижу запах больницы.

– Бывает. А я его не чувствую.

– Еще бы. Ты где работаешь?

Они поднялись на второй этаж, вошли в кабинет. Он был совершенно не похож на врачебный. Больше на холл какого-нибудь коттеджа. Окна плотно зашторены, стол с креслом, небольшой шкаф, ковер, два стула у стены, лампа под старину с красивым зеленым абажуром. На столе листок бумаги, ручка. Дорогая, «Паркер».

В проеме мужчина в белом халате.

Он посмотрел на визитеров поверх золотых очков, улыбнулся и сказал:

– Очень рад еще раз вас видеть, Людмила Андреевна.

– У вас с зубами все в порядке?

– Вы уже спрашивали. Да, после вашего лечения все в полном порядке. Я так понимаю, молодой человек и есть наш клиент?

– Да. В недалеком прошлом майор спецназа Уланов Роман Владимирович.

Взгляд Эдуарда Николаевича едва ли не насквозь пронизывал пациента.

– Спецназ, говорите? Ранения?

– Два в грудь.

– Контузии?

– Бог миловал.

– Хорошо! Пройдемте.

Уланов осмотрелся. Куда пройти? Здесь одно помещение.

Но оказалось не так. За шкафом имелась дверь, а за ней располагался вполне стандартный медицинский кабинет. Людмила осталась в приемной.

Профессор указал на кресло-лежак, похожее на то, что применялись в стоматологии.

– Устраивайтесь поудобнее, Роман. Вы не против, если я буду называть вас по имени?

– Нет, конечно.

– Хорошо. Рассказывайте, какие сны и как беспокоят вас?

– Меня мучает один и тот же сон. Ума не приложу, почему именно он. Тогда ситуация была в принципе штатная и потери минимальные, случайные.

– Расскажите?

– Сперва я расскажу вам о самом событии, а затем о том, что вижу во сне, хорошо?

– Давайте так.

Уланов начал рассказ. Психоневролог внимательно слушал его, сидя напротив за небольшим столиком. При этом он включил лампу, свет которой бил Роману в глаза. Как на допросе.

Уланов закончил рассказ, посмотрел на доктора.

– Ну вот, в принципе и все.

– Понятно. И прошедшей ночью сон посещал вас дважды?

– Да. А как Людмила налила водки, я выпил и уснул без сновидений. Но так постоянно нельзя. Сопьешься к чертовой матери.

– Алкоголь не панацея, даже напротив. Единичный прием может успокоить. Но дальнейшие возлияния только усугубят ваше положение.

– Скажите, доктор, что у меня?

Соколов улыбнулся и ответил:

– Не все так страшно, как кажется на первый взгляд. Я, честно говоря, ждал по-настоящему тяжелого случая.

– Значит, можно избавиться от кошмаров?

– Что мы и сделаем.

– Не понял? – удивился Уланов.

– Смотрите на мою руку и повторяйте за мной, десять.

– Десять.

– Девять.

– Девять.

Когда счет дошел до нуля, Уланов закрыл глаза. Он очнулся спустя несколько минут, когда Соколов щелкнул пальцами.

– Что вы сказали, Эдуард Николаевич?

– Я ничего не говорил. Вы были под воздействием гипноза.

Роман улыбнулся и заявил:

– Я? На меня никакой гипноз не может подействовать. Сюда, – он указал пальцем на свой лоб, – внедрена защита. Это чтобы не расколоться на допросах.

– Да, защита установлена сильная, но я сумел пробить ее. Не переживайте, никто кроме меня не сделает это. Кстати, защита восстановлена.

– Что-то с трудом верится.

– Ну не верится и ладно. Поднимайтесь.

– Все?

– Да. Какое-то время попьете таблетки, которые я вам дам, и кошмары прекратятся. Вернее сказать, уже сегодня вы будете спать спокойно. Но в этом есть и один минус.

– Какой?

– Вы не будете видеть не только плохие, страшные сны, но и хорошие, радостные.

– Это не проблема.

– Пойдемте к Людмиле Андреевне. Извините, она ваша супруга?

– Да. Мы живем в гражданском браке.

– Это ничего не меняет. Вы счастливый человек.

– Знаю!

Они вышли в гостевой кабинет.

Людмила поднялась, глянула на доктора и спросила:

– Что, Эдуард Николаевич?

– Все! Случай не сложный. Подождите. – Соколов достал из ящика стола флакончик с таблетками. – Я знаю, как мужчины относятся к всевозможным лекарствам, поэтому передаю их вам, Людмила Андреевна. Принимать три раза в день, последний раз непосредственно перед сном. Вы уж проследите за этим.

Людмила кивнула и заявила:

– Он выпьет все таблетки до одной.

– Не сомневаюсь.

– Тут такое дело, профессор. Хороший друг, одноклассник пригласил нас завтра на рыбалку в Балаев, – сказал Роман и осведомился: – Это мне не противопоказано?

– Чистый воздух, природа, отдых никому не противопоказаны.

– Значит, мы можем поехать?

– Вы должны поехать.

Уланов взглянул на Людмилу.

– Слышала? Эдуард Николаевич сказал, что мы должны поехать.

– Слышала. Поедем.

– Отлично. Спасибо вам, доктор.

– Обращайтесь, если потребуется. Людмила Андреевна, я все еще у вас в долгу.

– Нет. Никто никому ничего не должен. Мы и так оторвали вас от семьи.

– Вы не оторвали. Я работаю без выходных. Знаете, начал книгу писать. Мемуары, так сказать.

– Не рано ли?

– Думаю, нет.

– Получается? – спросил Уланов.

– Честно говоря, плохо, но я человек упорный, любое дело обязательно довожу до конца.

– Успехов вам. До свидания.

– Счастливо. Берегите, майор, Людмилу, это необыкновенная женщина.

– Я знаю.

Роман с Людмилой вышли из кабинета, покинули территорию, сели в «Рено». Тут ее телефон разразился мелодией вызова.

– Забыли что-то у доктора? – проговорила она и включила аппарат. – Нет, это из клиники.

А оттуда просто так не звонят.

Людмила оказалась права.

Ей звонил главный врач. Он попросил ее завтра, в воскресенье, выйти на работу.

Людмила попыталась возразить, но услышала:

– Вам надо будет обслужить нужного нам пациента. Поэтому завтра на работу!

На этом разговор оборвался.

Людмила взглянул на Уланова и сказала:

– Вот так, Рома, придется тебе ехать в Балаев одному.

– Откуда мог звонить твой босс?

– Из дома.

– А где дом, знаешь?

– Ты что задумал?

– Ничего особенного. Подъедем, я дам ему в репу. Он мигом найдет тебе замену или откажет важному клиенту.

– С ума сошел? Что с тобой Соколов сделал?

– Ничего, поговорил и все. Так ты скажешь, где живет босс?

– Нет!

– Напрасно.

– Рома, я не хочу лишиться весьма доходного места. Поэтому выйду на работу. Давай по-хорошему. Ты поедешь в Балаев, а я, как освобожусь, позвоню тебе. Скажешь, где найти тебя, и я на такси приеду.

– Это совершенно другое дело, – заявил Роман и поцеловал женщину.

Они вернулись домой. Уланов набрал номер Гарина.

– Рома? Ты же говорил, что вечером перезвонишь.

– Разве?

– А может, я путаю.

– Я приеду завтра. Скажи куда подъехать?

– Подъезжай к оцеплению площади Ленина. Ее ты найдешь и без навигатора.

– Ну, центральную площадь найти несложно.

– Я распоряжусь, и вас с Людой пропустят. Будем на трибуне стоять.

– Во-первых, я буду без Люды. Она подъедет потом. Во-вторых, у меня нет никакого желания торчать на трибуне. В-третьих, скажи, что взять с собой.

– С Людой понятно, ее встретим. Насчет трибуны ничего страшного. Постоишь рядом со мной, местной властью и ветеранами. Митинг надолго не затянется. А что взять, это решай сам. Что люди берут с собой, когда едут на пикник?

– У меня палатки нет, со снастями напряг.

– Я же говорил, на острове дом, а снастями я тебя обеспечу. Все, у меня дела. Не забудь завтра в 10.00, площадь Ленина.

– Не забуду.

Глава вторая

Остаток дня они провели в хлопотах. Оказалось, что спортивный костюм Роману стал мал, да и кроссовки имели довольно поношенный вид. Но это еще ничего. Уланову предстояло стоять на трибуне, а его парадный наряд после химчистки выглядел, мягко говоря, не ахти. Роман и Людмила купили все новое, взяли и продуктов.

Вернувшись домой, Людмила напомнила Роману о таблетках. Он принял вторую за сегодняшний день.

Наступил вечер. На город обрушился ливень.

Стоя у окна кухни и глядя на залитое стекло, Уланов проговорил:

– А если и завтра такая же погода?

Людмила успокоила его:

– На завтра синоптики обещали солнечный день и только местами по области кратковременные дожди. Так что ничего страшного.

Они легли пораньше и сразу слились в объятиях. Каждая ночь приносила им сказочное удовольствие.

Потом Уланов выпил еще одну пилюлю. Засыпал он с опаской. Вдруг слова Эдуарда Николаевича окажутся пустышкой, и его вновь накроют искаженные воспоминания? Но всего лишь один сеанс, проведенный известным психотерапевтом, дал результат. Роман не видел снов, как и обещал Соколов. Ни плохих, ни хороших.

Поэтому проснулся Роман отдохнувшим, свежим. Вместе с ним поднялась Людмила. Пока Уланов принимал душ и брился, она приготовила завтрак. Главный врач клиники позволил еще раз, напомнил ей о работе.

В 8.30 Роман подогнал к подъезду «Рено», взял сумку, где среди всего прочего лежали пилюли, и отвез Людмилу в клинику. После этого он вывел машину за пределы города.

В 9.50 Уланов остановился на улице Балаева, центральной в городе, перекрытой нарядом полиции.

Старший патруля подошел к нему.

– Добрый день, прапорщик Синявин. Дальше проезд закрыт, если, конечно, у вас нет пропуска.

– А разве вас не предупредили? – спросил Роман.

– О чем?

– Что я должен приехать.

Полицейский рассмеялся и осведомился:

– А вы извините, кто? Депутат? Высокопоставленный чиновник?

– Я не депутат, – ответил Уланов, – и не чиновник. Меня сюда пригласил подполковник Гарин. Надеюсь, этот человек вам известен?

Тон прапорщика разом изменился:

– Вас пригласил начальник РОВД?

– А у вас есть другой начальник полиции, кроме Гарина?

– Одну минуту. – Старший наряда вызвал кого-то по рации.

Что он говорил, Уланов не слышал. Недалеко гремел духовой оркестр. Но собеседник все доходчиво объяснил Синявину.

Он козырнул и заявил:

– Прошу прощения, товарищ майор, но и вы меня поймите. Для специально приглашенных лиц были выписаны пропуска. У вас...

Уланов прервал полицейского:

– Так я могу проезжать или мне разворачиваться?

– Проезжайте, конечно. Стоянка для автомобилей гостей сразу за трибуной, где памятник Ленину. Оттуда и проход на трибуну. Товарищ подполковник там ждет вас, – проговорил прапорщик и отошел в сторону.

Уланов проехал метров пятьдесят, оказался на площади и увидел большую трибуну, закрывавшую чуть ли не половину памятника, изображавшего вождя мирового пролетариата. Невдалеке от него возвышалось нечто тоже весьма не мелкое, закрытое полотном.

«Нормально местные власти придумали! Они открывают памятник жертвам политических репрессий рядом со скульптурой, изображающей того самого человека, который и начал их. Но логику начальства, как и женщины, понять невозможно по причине полного отсутствия таковой», – подумал Роман и заехал за трибуну.

Там прямо на лужайке, окаймленной лентой, которой сотрудники уголовного розыска обычно отделяют место преступления от толпы досужих зевак, стояло несколько дорогих иномарок. На их фоне машина Уланова выглядела совершенно невзрачно. Но он плевать хотел на это, поставил «Рено» рядом с джипом огромных размеров.

К Роману уже шел Гарин, в отглаженной парадной форме, позвякивая медалями, среди которых боевых не было, лишь ведомственные, юбилейные да за выслугу. Но смотрелись они впечатляюще. Власти за последнее время несколько раз меняли полицейскую форму, в итоге превратили ее в подобие клоунского костюма. На зависть сорокам, которые, как известно, любят все блестящее, форма Гарина переливалась позолотой.

– Привет, Рома! А почему ты один?

– Привет, Боря! Сначала ответь, почему наряд не хотел пускать меня сюда?

– Это недоработка заместителя. Он уже получил свое. Ты почему без Людмилы?

– Ее вызвали на работу. Какой-то клиент объявился. Такой важный, что главврач велел открыть для него клинику в воскресенье. Но она поработает с ним, позвонит мне, спросит, куда подъехать, и прикатит на такси. По крайней мере обещала.

– А почему ты военную форму не надел?

Уланов прикинул, как смотрелись бы его награды на фоне Гарина. Одних только орденов Мужества у него было три.

– А зачем? Достаточно тебя да военкома, который тоже наверняка будет в форме при всех регалиях, – сказал Роман.

– Нет, военкома не будет. Он в отпуске. А заместителя приглашать не стали. Молодой еще. Ну и чего ты сидишь в машине. Выходи, Рома, пора на трибуну.

Уланов следом за Гариным прошел на трибуну и увидел там... свою первую юношескую любовь, Тамару Ольхову. Она клятвенно обещала ждать Романа, пока тот учится в военном училище, а сама вскоре вышла замуж за Гарина. Теперь это была уже не худенькая барышня с косичками, а дородная, солидная женщина в дорогом костюме. Рядом девочка лет семи-восьми, похожая на Гарина как две капли воды.

– Здравствуй, Рома, – сказала Тамара и натянуто улыбнулась.

– Здравствуй. Как говорится, сколько лет, сколько зим?

– Да, мы-то все на этом месте, а тебя судьба гоняла по белу свету. Боря говорил, что ты недавно из армии уволился и с какой-то женщиной сошелся. Это правда?

– Да.

– А чего поздно так? Почему раньше не женился?

– Откуда тебе знать, женился я или нет? Может, у меня пять разводов и с десятков гражданских браков?

Первая любовь с сожалением вздохнула и сказала:

– Нет. Я знаю. Ты однолюб.

– Был когда-то. Твоя правда. А сейчас другой. Все мы изменились. – Он указал на девочку и спросил: – Дочь?

– Дочь, Лена, пошла в первый класс.

– Это хорошо, учение свет.

– А ты действительно сильно изменился.

– Постарел?

– Заматерел.

– Ты тоже не осталась прежней.

– Да, время не остановить. Слышь, Рома, а ты хотел бы вернуть школьные годы?

– Хотел бы, Тома, но это невозможно.

– А если бы они вернулись, ты стал бы опять поступать в военное училище?

– Да.

Она вновь вздохнула и заявила:

– Ну тогда и возвращать нечего. А жаль.

– Я что-то плохо понимаю тебя!

– И не надо понимать.

К ним подошел Гарин и осведомился:

– Поговорили? А теперь немного в сторону. Посредине у микрофонов встанет глава администрации, рядом депутат областной думы и прочие известные люди. Мы отойдем немного левее. Сейчас уже начнется.

Уланов с семьей Гарина встали на новое место. Сотрудники полиции пустили на площадь народ, который заполнил половину ее.

Тут Уланов вдруг почувствовал тревогу. Так бывало всегда, когда где-то рядом таилась опасность.

К главе администрации подошла супруга с мальчиком лет четырех, что-то сказала ему.

Роман посмотрел влево, вправо, на площадь, оцепление.

Гарин заметил это и спросил:

– Ты что вертишься, Рома?

– Если интуиция меня не подводит, где-то рядом угроза, причем серьезная.

Начальник РОВД махнул рукой и заявил:

– Да откуда здесь может быть угроза? Район тихий, спокойный, тяжких преступлений почти не бывает. Так, единичные случаи.

– Я не о том.

Уланов перевел взгляд на дом, строящийся напротив памятника и трибуны. Поднято три этажа, сзади кран. Естественно сегодня никто не работал, но это не означало, что там никого не было.

– Что за стройка, Боря? – спросил Уланов, указав на здание.

– Многоквартирный дом. Это гордость главы администрации. Первый такой в городе поднимают.

– Там охрана выставлена?

Гарин взглянул на друга и спросил:

– Ты не видишь полицейского у ограждения?

– У ограждения вижу, – ответил Уланов, – меня интересует, на территории стройки твои люди есть?

– Считаешь, что у меня батальон сотрудников? Внутри территории находится охрана строительной организации. По крайней мере, она должна там быть.

– Это не проверялось?

– Прекрати, Рома. У тебя навязчивая идея.

– У меня, Боря, предчувствие беды. Ты вооружен?

– По привычке ношу пистолет.
– Смотрим дом. Внимание на окна и плиты верхнего этажа, а также на кран.
– Да ну тебя, перестраховщик. Это надо же так запрограммировать вас, спецназовцев, что вы повсюду видите опасность.

Уланов сблизился с главой администрации района, встал рядом с его женой и сыном.

Леонид Владимирович Абрамов постучал по микрофону, убедился в том, что он включен, и заговорил:

– Дорогие горожане, уважаемые гости...

В это время из центрального окна третьего этажа хлестнул выстрел. Уланов сначала увидел вспышку и только потом различил звук.

Речь главы района оборвалась. Пуля попала ему в лоб и отбросила его на людей, стоявших позади.

Грянул второй выстрел. На этот раз рухнул председатель районной думы.

Раздался визг жены главы администрации, крики сбоку и снизу.

– Всем на пол, – крикнул Уланов.

Он сбил с ног жену Абрамова и мальчишку, который тут же зашелся криком.

Третий выстрел был направлен просто в толпу. Пуля попала в шею какого-то мужчины, пришедшего на это мероприятие. Уж его-то убивать, скорее всего, было не за что.

Гарин укрыв спиной жену и дочь.

На площади началась паника, люди ринулись за трибуну, давили друг друга и сминали посты оцепления. Полицейские слышали выстрелы, но ничего не могли понять, поэтому и бездействовали.

Уланов же сказал Абрамовой:

– Хотите жить, лежите и держите пацана рядом с собой. Никому не вставать! Боря!

– Да, – откликнулся Гарин.

– Посылай своих к стройке, прикажи им оцепить ее. Сам за мной, быстро!

Начальник РОВД бросился за Улановым. Они скатились к памятнику Ленина.

– Черт! – выкрикнул Гарин.

– Ранен? – спросил Уланов.

– Хуже! Твоя чертова интуиция. Абрамов убит, Старин, председатель думы, тоже. Ты представляешь, что теперь будет?

– Мне по фигу, какие выводы сделает твое начальство и руководство области. Стрелял один человек из центрального окна третьего этажа, судя по поражению и звуку – из «СВД». Его надо взять.

– Как?

– Каком кверху! За мной, подполковник!

Уланов перепрыгнул через перила. Он держал в поле зрения все здание, выходящее на площадь, особенно третий этаж и плиты верхнего перекрытия, кинулся к дощатому забору, окружавшему стройплощадку и увешанному различными плакатами.

За двадцать минут до этого к воротам стройки подъехал самосвал «КамАЗ». Водитель поигналил. Из будки вышел охранник, мужчина лет шестидесяти. Владелец строительной компании, изъявивший желание возводить этот дом, сэкономил, на чем только мог, хотя и получил довольно солидные деньги по договору подряда. Поэтому сторожей он набрал из пенсионеров. Да и те нужны были в основном для того, чтобы открывать и закрывать ворота. Строительство шло в три смены, и на стройке постоянно были рабочие. Кроме, естественно, сегодняшнего праздничного дня.

Пенсионер-охранник спросил у водителя, молодого парня:

– Ты чего? Сегодня стройка закрыта.

– Твою мать, – выругался парень, – какого хрена меня сюда с песком послали?

Охранник пожал плечами.

– Это ты, милоч, у своего начальства спрашивай, а мы закрыты.

– Может, пропустишь? Свалю песок и уеду.

– Нет, я из-за тебя место терять не хочу. Вот доживешь до моих лет, получишь мою пенсию и поймешь, что без приработка не проживешь. Хотя, когда ты...

Парень прервал охранника:

– Тебя как зовут-то?

– Михалычем называй.

– Слушай, Михалыч, но в наряде-то хоть можешь отметить, что не пропустил меня на объект?

– Кто я такой, чтобы в документах отметки ставить?

– Какие отметки? Напишешь от руки, мол, объект закрыт, «КамАЗ» номер такой-то не пропущен. Я и уеду. А начальника заставлю рассчитаться со мной за рейс. Ведь у меня же зарплата не депутатская. Терять деньги за работу в выходной тоже не хочу. У меня жена молодая и ребенок полтора лет.

– Да написать-то не трудно, конечно, а поможет оно тебе?

– Иначе не стал бы просить.

– А мне ничего не будет?

– Что тебе может быть? Ты же напишешь, как есть. Объект был закрыт.

Охранник почесал затылок и заявил:

– Ладно, давай свой наряд.

– Сейчас. – Парень забрал папку, спрыгнул с машины. – Давай зайдем к тебе в сторожку, Михалыч. Тут неудобно.

– Пошли. Только быстро, скоро праздник начнется, посмотреть охота.

– Посмотришь. А ты один, что ли, на объекте?

– Один. На сутки.

– Ничего не воруют?

– Нет, тут почти все друг друга знают, да и воровать несподручно. Это нынче никого на объекте нет, в остальные дни бригады пашут днем и ночью, без выходных.

Они зашли в небольшое помещение, окно которого выходило на ворота. Два стула, шкаф у двери, топчан у глухой стены. На столе старый сотовый телефон.

– Давай бумаги, – сказал Михалыч.

– Угу, сейчас. – Парень положил папку на стол, выдернул из-под рубашки нож и выверенным движением ударил лезвием в горло охранника.

Тот выпучил глаза, захрипел, упал на пол, пытаясь руками закрыть безобразную рану, из которой хлынула черная кровь, и забился в судорогах.

– Вот так! – проговорил парень. – Отработал ты, Михалыч.

Парень оставил нож на месте преступления и вышел на улицу. Он достал из кармана перчатки, снятые после остановки машины, натянул их, открыл ворота, осмотрелся. Никого. Это и понятно. Народ сейчас дома хозяйством занимается или на празднике.

Водитель сел в кабину самосвала, где находился мужчина постарше. Когда сторож вышел из будки, он пригнулся.

– Все чисто, Артур, – доложил ему парень.

– Следы?

– Никаких. Я проверил.

– Заезжай! – Артур посмотрел на часы и добавил: – И шустрее, Славик!

Водитель подвел «КамАЗ» к дому, выбрался из кабины, достал из кузова, набитого рулонами утеплителя, какой-то длинный предмет, завернутый в плотную ткань, передал его Артуру, тоже вышедшему из машины.

– Вот!

– Отведи самосвал на метр от стены! – приказал Артур.

– Сделаю!

– Ну а я пошел на работу.

– А как насчет бабок?

– Получишь, как вернемся на базу.

– Шеф заплатит?

– Я заплачу. Или тебе есть какая-нибудь разница?

– Нет никакой. Были бы деньги.

– Они со мной. Но все, как говорится делу время, потехе час, – сказал Артур, поправил шапочку, которая превращалась в маску, вошел в центральный подъезд и быстро поднялся на третий этаж.

Там он прошагал в заранее выбранную комнату, окно которой, еще не застекленное, выходило на площадь, зашел, пригнувшись. Артур присел у проема, выставил наружу стержень с зеркалом, определил, где находится солнце, дабы случайно не пустить «зайчик».

Трибуна была уже заполнена всяким начальством и оцеплена полицией. На площади собралась толпа. Главные цели были на месте. Остальные люди его не интересовали.

Он вставил в винтовку магазин, установил прицел, передернул затвор, опустил на лицо маску, услышал стук по микрофону, разлившийся по площади, а затем и голос:

– Дорогие горожане...

Артур встал, укрылся за стеной, вскинул винтовку и выстрелил. Это был прирожденный охотник и профессионально подготовленный снайпер. Он увидел, что пуля пробила череп главы администрации, тут же срезал вторую цель – председателя районной думы. Потом Артур, не выбирая, сделал третий выстрел, бросил винтовку, выбежал из комнаты и быстро спустился по лестнице.

Водитель находился в кузове. При подготовке акции киллер решил, что он не станет терять время на беготню по лестнице, спрыгнет с верхнего этажа на мягкий утеплитель. Славик поддержит его при необходимости, тут же перейдет в кабину, выведет «КамАЗ» в проулок и бросит там. Они с Артуром переседают в легковой автомобиль, на нем доберутся до базы, далее будут действовать по указанию шефа.

Поэтому водитель стоял в кузове у кабины, задрал голову. Он ждал появления киллера и невольно подсчитывал в уме, на сколько порций героина хватит пяти тысяч долларов, обещанных ему шефом. Получался неплохой расклад.

Славик услышал шорох у подъезда, глянул вниз. Это было последнее, что он сделал в своей жизни. Во время спуска Артур достал из-за пояса ствол с глушителем и вонзил ему пулю между глаз. Тело Славика упало за борт.

Киллер не сомневался в том, что убил водителя. Он знал толк в своей работе и до сих пор делал ее без ошибок.

После этого Артур закинул пистолет в кузов, снял маску и проехал до переулочка, где стояли старые «Жигули» седьмой модели. Через минуту он уже вышел из зоны оцепления.

Киллер на ходу достал сотовый телефон, нажал клавишу вызова и проговорил:

– Это я! Дело сделано.

– Хорошо. Деньги, причитающиеся тебе за эту работу, уже на твоем счету, можешь про- верить. Уходи из области.

– Буду нужен, ты знаешь, как меня найти, – сказал Артур, отключил телефон и положил его на сиденье.

Отход был тщательно продуман. Киллер выбрался из Балаева по берегу реки, где перекрыть путь было невозможно. В близнем лесу его ждала другая машина...

Гарин приказал своим подчиненным окружить стройплощадку. Он и Уланов с трудом пробились через толпы испуганного народа, вышли к воротам забора. Возле них двое сотрудников полиции.

Старший с погонами капитана доложил Гарину:

– Товарищ подполковник, территория оцеплена, обнаружено два трупа.

Уланов кивнул в сторону самосвала, стоявшего в проулке, и спросил:

– Один там?

– Так точно. Молодой парень с простреленной головой находится в кузове, загруженном утеплителем. Труп поверх. Там же пистолет с глушителем.

– Кто второй? – спросил Гарин и сам же ответил: – Хотя это вполне понятно. Сторож.

– Так точно. Тот с перерезанным горлом в сторожке. Нож там же.

Гарин повернулся к Уланову и спросил:

– Пойдем в здание?

– Вряд ли мы найдем там что-то интересное.

– Киллер сбросил пистолет, значит, мог и винтовку оставить на месте применения.

– И что это даст? Если оставлено оружие, то будь уверен, оно не выведет на киллера.

– А зачем он завалил парня в самосвале? И вообще что тот здесь делал?

Уланов прикурил сигарету и проговорил:

– Ты пошли в дом людей, пусть соберут все, что оставил киллер, поищут следы, хотя вряд ли найдут их. А самосвал? Киллер подъехал на нем к зданию. Сторож вышел из своей коморки, сказал, что сегодня на стройке никто не работает. Парень, видимо, попросил охранника сделать в путевом листе отметку об этом. Дескать, надо же как-то мне будет отчитаться за топливо, да и деньги за работу в выходные получить. Охранник не заподозрил никакой угрозы, зашел с парнем в сторожку, там и получил нож в горло.

– Да, это все вполне понятно, – проговорил Гарин. – Преступник действительно каким-то образом заманил охранника в сторожку. Там нет риска, что кто-то увидит момент убийства. Но почему самосвал? Можно было подъехать и на неприметной машине, а тут такая громадина, да еще груженная.

Уланов кивнул и спросил:

– А ты обратил внимание, чем загружен самосвал?

– Утеплителем.

– Вот! В этом и ответ, Боря. Мне картина преступления видится следующим образом. Парень-водитель и киллер действовали сообща. Они вместе подъехали к стройке. Киллер спрятался в кабине, парень вышел, завалил сторожа, открыл ворота и подогнал самосвал кузовом к зданию. Киллер вышел на позицию и сделал свое черное дело. А дальше по договоренности, дабы не терять время, он, наверное, должен был прыгнуть с третьего этажа или с плит перекрытия. Высота приличная, поэтому в кузове мягкий утеплитель. Он погасил бы удар.

– Значит, киллер намеревался прыгать?

– Нет. Скорее всего этот вариант для парня, который должен был подождать в кузове, прикрыть преступление. Киллер и не думал прыгать. Он спокойно спустился по лестнице, на ходу привел пистолет к бою, пристрелил ничего не подозревавшего парня, сбросил ствол и ушел. Где-то рядом его ждала машина. Только вот куда она повезла киллера, то ли за расчетом к заказчику, то ли в лес к могиле, нам пока неизвестно. Ясно одно. Целями заказчика этого преступления были глава администрации и председатель районной думы.

– А третий человек? Он ведь тоже убит прицельным огнем.

– Это для отвода глаз. Чтобы создать подобие беспорядочной стрельбы по трибуне.

– Но это мог сделать только сумасшедший. Стрелять по людям!..

– А что, у нас мало сумасшедших, спокойно гуляющих на свободе?

Из дома вышел капитан полиции.

Он принес винтовку, гильзы, тряпку, шнур и доложил:

– Вот, товарищ подполковник, это нашли в комнате, откуда велась стрельба.

– Собаку пустили?

– Так точно. Да вон сержант с ней.

Разыскная собака, ретиво тащившая за собой кинолога, вышла за территорию стройки.

– Взяла след! – воскликнул капитан.

– Вопрос лишь в том, как далеко он идет, – произнес Уланов.

Вскоре действительно поступил доклад от старшего группы преследования. Служебный пес довел сотрудников полиции до начала переулочка и потерял след.

– И что теперь делать? – спросил Гарин.

Уланов вздохнул и ответил:

– Думаю, что взять киллера по горячим следам уже не получится. Имитируй бурную деятельность. Потом доложишь начальству, что предпринял все возможное для поиска преступника, но... не срослось. Наверху прекрасно понимают, что заказные убийства раскрываются редко. Все они хорошо подготовлены. Киллер может быть откуда угодно, не обязательно местный. Да, это всем ясно, но вопросов к тебе как к начальнику полиции будет много. Пусть и формальных.

Гарин приказал поднять весь личный состав районного отдела и доложил о трагедии в Переславль, хотя областное начальство уже знало о ней.

Уланов в это время попытался позвонить Людмиле. Но ее телефон не отвечал.

Тогда он пошел на площадку к трибуне. Там работали оперативники. Роману непонятно было, что именно они искали. Ведь пули находились в телах погибших, что подтвердил эксперт. Рядом с трибуной стояла труповозка. В ней уже находилось тело председателя думы.

Покойный глава администрации лежал на носилках. Возле стояли жена, то есть уже вдова и ребенок.

«Странно, что вдова ведет себя так спокойно. Ни слез, ни истерики, а ведь муж погиб», – подумал Уланов, подошел к ней и осторожно кашлянул, желая привлечь к себе ее внимание.

Женщина повернулась.

– Это вы? Вас я должна благодарить за спасение? Преступник мог убить и меня с сыном.

– Нет, благодарить меня не за что. Я всего лишь сделал то, что должен был, хотя вряд ли вам что-то угрожало. Я Уланов Роман Владимирович, друг начальника местного РОВД. По приглашению Гарина и приехал сюда. А тут такое.

Женщина кивнула и сказала:

– Да уж. Праздник удался на славу.

– Извините, не знаю вашего имени-отчества.

– Абрамова Надежда.

– А отчество?

– Алексеевна, но это вовсе не обязательно.

– Ну тогда я для вас просто Роман. Должен сказать, что странно вы ведете себя, Надежда.

Она взглянула на него и заявила:

– Нет, вполне нормально.

– Да? – с удивлением заявил Уланов. – Извините, но не могли бы вы сказать, чем объясняется подобное поведение?

– Почему нет? Когда-то, кто-то должен узнать о нашей жизни с Леонидом. Но, подождите...

Сотрудники морга стали загружать в труповозку тело главы администрации.

Вдова подошла к носилкам, обхватила лицо мужа, уже бывшего, что-то сказала так тихо, что вряд ли санитары это слышали, и отошла.

Через минуту машина направилась в морг.

У трибуны появилась пожилая женщина.

– Ох, господи, ты жива, Наденька.

– Да, мама, я жива, Витя тоже, а вот Леонид Владимирович... погиб.

– Слышала. Об этом весь районный центр уже судачит. Мол, убили Абрамова, Старина и еще какого-то Дунко. Но, слава богу, вы живы. Что же это творится, Наденька? Среди бела дня, на празднике!..

– Ты возьми Витю и ступайте домой, не к нам, к себе. Я подойду, – сказала Надежда матери.

– А почему не в ваш с Леной дом?

– Он теперь не наш. И не мой. Но об этом позже.

– Как же это?

– Мама!

– Хорошо-хорошо. – Она взяла внука, который захныкал. – Пойдем, Витюша, родной ты мой. Я тебя пирожками угощу с повидлом. Ты их любишь. А мама потом придет.

Когда пожилая женщина с ребенком ушли, Надежда Алексеевна, которой было лет тридцать, никак не больше, предложила Уланову уйти за трибуну. Мол, там спокойней, народу нет. Машины действительно разъехались, кроме двух, вернее трех, если считать и подержанный «Рено» Уланова.

Роман согласился, и они прошли за трибуну. Здесь, рядом с памятником Ленину, стояли две скамьи среди голубых елей, посаженных, наверное, одновременно с возведением памятника вождю мирового пролетариата.

Женщина присела, а Уланов задержался, так как его сотовый телефон издал сигнал вызова.

– Извините, – сказал он и отошел в сторону.

Звонила Людмила.

– Я освободилась, Рома. Ох и капризный клиент попался. То ему не так, это не этак, неудобно, больно, хотя я вколола ему... впрочем, это не важно. Какие чиновники капризные пошли, хлеще любой женщины.

– У тебя был чиновник?

– А кто же? Министр областного правительства, правда, я так и не поняла, какой именно. Называй адрес, куда подъехать, я заскочу домой, переоденусь и вызову такси. Только ты обязательно встреть меня...

– Не надо приезжать, Люда, – сказал Роман.

– Не поняла! – заявила Людмила и осведомилась: – Гарин уговорил тебя на мальчишник, или у вас там и без меня женщин хватает?

– Ну о чем ты говоришь, Люда? Все гораздо серьезнее. Подробности ты узнаешь из местных СМИ, а пока я тебе скажу, что в Балаеве, прямо на трибуне убиты глава района, председатель местной думы и еще один человек, просто пришедший на это мероприятие.

После непродолжительной паузы, Людмила тихо спросила:

– Что? Убиты?

– Да. Работал снайпер. Это заказное убийство. Есть и еще два трупа. В Балаеве сейчас все поставлено с ног на голову, так что делать тебе тут нечего.

– А тебе?

– Я должен помочь Гарину. Проведен террористический акт, а ты знаешь, что я спец по таким делам. Боря же в растерянности.

– Ясно. Скажи, а ты во время убийства тоже был на трибуне?

– Да!

– Боже. И тебя могли убить.

– Нет. Киллер стрелял по определенным целям. Хотя один человек погиб явно случайно.

– Но этой случайной жертвой мог стать и ты?

– Но не стал. И давай закончим на этом. Ты езжай домой, занимайся своими делами. А я поработаю тут.

– Но хоть к вечеру приедешь?

– Не знаю, как пойдет. Все, Люда. Ты не представляешь, что здесь творится. Я просто не могу больше говорить.

– Будь осторожен, Рома.

– Я всегда осторожен. До связи, дорогая моя.

– Я предпочла бы до встречи.

– Значит, до встречи, – сказал Уланов и отключил телефон.

Он подошел к скамейке, взглянул на вдову главы администрации и повторил:

– Извините.

– Супруга звонила?

– Да, – ответил Уланов.

– Беспокоится.

– Она у меня беспокойная. Так как вы объясните свое поведение? Нет, я не настаиваю. Вы не обязаны откровенничать даже у следователя, так что если желаете, я довезу вас до дома и мы разойдемся.

Женщина вроде бы не слушала Уланова, думала о чем-то своем, но глаза ее вдруг ожили, она повернулась к нему и начала без всякой подготовки и предисловия:

– Я познакомилась с Леонидом случайно, задолго до того, как он стал главой администрации. У него была жена, Елена Анатольевна. Она тяжело болела, и за ней требовался уход. Я окончила медицинский колледж, работала в больнице, посоветовал ему в качестве сиделки себя. Формальности они утрясли, и я оказалась в доме Абрамовых. Их сын, старше меня на два года, отучился в Москве, там и остался, удачно женился и открыл свой бизнес, по-моему, ресторанный.

Совмещать работу было очень тяжело, поэтому главный врач уволил меня с обязанностью восстановиться на прежней должности, как только освобожусь, а Леонид настоял, чтобы я переехала к ним в усадьбу. Это недалеко отсюда на берегу реки рядом со старой пристанью. Зарплату назначил для нашего городка огромную, шестьдесят тысяч рублей, плюс бесплатное питание, новая одежда. В общем, условия прекрасные.

Да и Елена Анатольевна оказалась достойной женщиной. Знаете, ведь все люди разные. Иногда попадают такие, что и со света сжить могут. Елена Анатольевна была другой. Образованная, воспитанная, я ее про себя графиней называла, никаких капризов, упреков. Надо сделать укол, пожалуйста, таблетку, выпьет без лишних слов. Мне еще надо было готовить еду для больной. Она нисколько не привередничала, кашу ела и молоко пила.

Единственное, что меня немного удивляло, так это ее немногословие. Она никогда не заводила разговоры, не поддерживала беседы, которые пыталась начать я. Ни слова о своей жизни, ни единой жалобы. А ведь ее мучили жуткие боли. Говорила, когда уже терпеть не могла. Я делала укол, вот и все.

Леонид поначалу вел себя прилично. К жене относился с нежностью, по крайней мере при мне. Приносил цветы. Елена Анатольевна любила розы, так он привозил их из какого-то питомника.

Прошли две недели. Однажды – помню, тогда еще шел дождь – я пошла спать. Моя комната была рядом с кабинетом Леонида на втором этаже. Приняла душ, разделась, легла. Двери

в доме никогда и нигде не запирались, не считая входных. Начала уже засыпать, как в спальню в домашнем халате вошел Абрамов. Я возмущалась было, но он велел мне молчать и слушать. Я испугалась. А он, мол, с завтрашнего дня ты будешь получать сто тысяч рублей в месяц. Я спросила, за что? Леонид похотливо усмехнулся и открыто сказал: «За то, что мы с тобой дважды в день будем заниматься сексом». Я не успела ничего ответить, как он сбросил халат и навалился на меня. – Женщина замолчала.

Уланов воспользовался паузой и спросил:

– И вы не закричали? Не стали сопротивляться?

– Я не хотела, чтобы услышала Елена Анатольевна.

– Понятно, пожалели ее.

– Да.

– Почему не ушли из дома на следующий день?

– Потому, что я потеряла бы не только зарплату, но и работу, не устроилась бы больше нигде в Балаеве. А оставить мать не могла, у нее тоже здоровье частенько давало сбой. Отца я не помню, мы жили вдвоем. Наш дом, куда сейчас мама повела Витю, недалеко от площади. Городок маленький, здесь все рядом.

Но к теме. Я стала жить с Абрамовым и не могла смотреть в глаза Елене Анатольевне. Как-то вечером она сказала, что знает о наших отношениях и не осуждает ни меня, ни его. «Он мужчина, ему нужна женщина, а ты не могла отказать. Посоветую тебе одно, Надя. После моей смерти не выходи замуж за Леонида, иначе ты потом горько пожалеешь об этом». И все. Она закрыла глаза, я, сгорая от стыда, ушла к себе. А там Абрамов. Я сказала ему о разговоре с Еленой Анатольевной. Он усмехнулся и заявил, что так, пожалуй, будет даже лучше.

А потом, несмотря на все ухищрения, я забеременела. Хотела ребенка и боялась, что Абрамов заставит меня сделать аборт. Но... Леонид воспринял эту новость неожиданно спокойно, даже, как мне показалось, обрадовался.

Через неделю умерла Елена Анатольевна, а спустя сорок дней я стала женой Абрамова. Вскоре родился Виктор. Тогда мне казалось, что у нас семья, хотя никаких чувств я к Абрамову не испытывала, да и он ко мне тоже. Не обижал до того, пока у него не появилась молодая помощница, она же любовница. Прошел в областную думу, а потом стал главой администрации. Почти все свое имущество, движимое и недвижимое завещал сыну от Елены Анатольевны и лишь какую-то мизерную долю – Виктору. Он сам мне показывал это завещание. Я решила уйти от него. Лучше уж быть матерью-одиночкой, чем замужем за таким человеком. Хотела объявить ему о своем решении после праздников. А тут... убийство. Вот почему я так спокойна. Как человека, мне, конечно, жаль Абрамова, как мужа – нет. Я все сделаю, как положено, имею в виду похороны, траур, но в дом уже не вернусь. Будем с Витей жить у мамы. Пойду на прежнюю работу... – Она посмотрела в глаза Уланова. – До сих пор не могу понять, почему решила на откровенный разговор с вами, совершенно чужим человеком?

– Вам просто надо было выговориться, не важно кому. Раньше у вас не было такой возможности. Маму расстраивать не хотели, а других слушателей не нашли. Все просто. Так часто бывает.

– А вы счастливы в браке?

– Да!

– Я вам по-хорошему завидую.

– И у вас начинается новая жизнь. Вы молоды, красивы, будет, как говорится, и на вашей улице праздник.

– Не знаю!

– Будет. Я знаю!

– Спасибо.

– Да не за что. Позвольте, Надя, несколько вопросов. Они вряд ли будут приятны для вас, но я опять-таки ни на чем не настаиваю. Не захотите отвечать, не надо, я пойму.

Женщина откинулась на спинку лавки, машинально поправила прическу и сказала:

– Спрашивайте.

– У вашего мужа были конфликты с кем-нибудь из начальства района?

– Ну а как же. Бывший глава администрации господин Огурцов Алексей Михайлович, который не сомневался в своей победе на выборах, просто ненавидел Леонида.

– А до выборов какие у них были отношения?

– Не сказать, что дружеские, но и не враждебные. Я бы сказала, ровные, спокойные.

– Их объединяло какое-то дело?

– Было что-то общее, но точно не знаю. Я не влезала в дела мужа.

– В последнее время Леониду Владимировичу кто-нибудь угрожал?

– При мне нет, а так... когда он был на работе, не знаю.

– Но это можно было заметить по изменению в настроении, например.

– Можно. В нормальной семье. Со мной Леонид был всегда одинаково повелителен, требователен и часто груб. Если не считать самого начала нашей семейной жизни.

– Значит, у него была любовница.

– И не одна. Не только помощница. У него появилась и секретарша. Он тоже делил с ней постель, что не скрывал.

– Что, вот так прямо и говорил, мол, Надя, я сегодня сплю с помощницей, завтра с секретаршей, а потом...

– До этого не доходило. Обычно это выглядело так: «Извини, Надежда, у меня дела, сегодня не жди».

– Отчего вы так уверены были в связи мужа с этими женщинами? Ведь у него действительно могли быть дела.

– Телефон. Ведь он звонил им, говорил с ними при мне, даже не выходил из-за стола, договаривался о встречах. Но я не хочу об этом вспоминать.

К лавочке вышел Гарин.

– Вот ты где, Улан, а я набегался... Надежда Алексеевна? – Он заметил и вдову Абрамова. – ...И о чем вы здесь, если не секрет, беседуете?

Женщина поднялась и проговорила:

– Если ваш друг, Борис Борисович, пожелает, то он передаст вам суть нашей беседы. Я не против. А теперь мне пора идти. Как я понимаю, убийцу вы не поймали?

– Нет! Но вам ничего не грозит.

– Как бы не грозило сыну.

– И ему не грозит. Но за вашим домом присмотрят.

– Я живу у матери!

– В каком смысле? – с удивлением спросил Гарин.

– В прямом, Борис Борисович. Мы с сыном переедем к маме. Если я и загляну в дом покойного мужа, то лишь затем, чтобы забрать личные вещи.

– Дело ваше, конечно, но...

– До свидания, господа сыщики, – сказала женщина и быстро пошла в обход памятника и трибуны.

Гарин взглянул на Уланова и осведомился:

– И что все это значит, Рома?

– Ты хотел, чтобы я помог тебе?

– Да, я и сейчас прошу тебя об этом.

– Вот я и помогаю. Да ты присядь, в ногах правды нет.

Начальник РОВД устроился рядом с Улановым.

– Ну и?..

– Что?

– О чем ты так мило беседовал с вдовой Абрамова, как вообще вошел в контакт с ней?

– Обещай, что не будешь перебивать и задавать глупых вопросов.

– Ну, конечно, это только ты задаешь умные вопросы, но... обещаю. И слушаю тебя очень внимательно.

Уланов чуть помолчал и спросил:

– План «Перехват», как я понимаю, не дал результатов?

– «Сирена», – машинально ответил подполковник.

– Что, «Сирена»?

– Был введен план «Сирена». Он, как ты правильно понял, пока не дал никаких результатов.

– Еще есть надежда?

Гарин махнул рукой и заявил:

– Какая надежда? Глухо все, как в танке!

– Труп парня?

Гарин вздохнул.

– Рома, я, по-моему, сказал, что готов слушать твой рассказ о беседе с вдовой, а получается что? Я должен отвечать на твои вопросы?

– Это ненадолго. Мне надо знать обстановку.

– Хреновая обстановка. По убитому парню. Он не местный, никогда не проживал в Балаеве. Я сделал запрос в Переславль. Оттуда тоже ничего. И будь добр, расскажи о беседе с Абрамовой.

– Конечно, Боря.

Уланов передал начальнику РОВД суть разговора с Абрамовой.

Гарин выслушал его и не без удивления спросил:

– А что это она открылась тебе? Надежда Алексеевна ведет замкнутый образ жизни. У нее по сути и подруг нет. Дом, сын, иногда мать. На различных публичных мероприятиях не появляется, хотя дала бы фору многим женам местных чиновников. А тут вдруг такая открытость?

– Ей надо было выговориться. А тут я под рукой оказался, тот человек, которого она считает спасителем себя самой и своего сына. Ведь я уложил их на пол, когда снайпер вбил пулю в голову ее мужа. А на местной тусовке она, наверное, не показывается как раз потому, что даст фору многим женам из здешней верхушки. А они этого очень не любят.

Гарин кивнул.

– Скорее всего так.

– А что за дела были у Абрамова и Огурцова? – спросил Уланов.

– Я в это не влезал. Теперь придется.

– Чтобы с этим разобраться, следует поговорить с любовницами Абрамова. Кстати, а сколько ему было лет?

– Пятьдесят восемь.

– Пора бы и угомониться.

– Ну это кому как. Да, помощницу и секретаршу допрашивать придется, хотя сомневаюсь, что они расскажут что-нибудь важное для следствия, даже если и знают. Зачем им лишние проблемы?

– Тут ты прав. Я, наверное, домой поеду. Сегодня моя помощь здесь не потребуется. Понаедет областное начальство, тебе не до того будет. Как ситуация успокоится, позвони, подскажу.

– Может, у меня остановишься? Начальство, понятно, скоро заявится, но что ему тут делать? На похоронах, это да, а сегодня?

– Нет уж, спасибо. К тебе не поеду. Я домой. Вот после похорон и позвони. Может, что и прояснится.

– Ладно, но погоди. Город оцеплен постами. Ты прямиком на Переславль?

– А куда еще?

– Сейчас! – Гарин достал радиостанцию, вызвал кого-то из своих подчиненных, сообщил ему марку и номер машины Уланова и приказал пропустить ее беспрепятственно. – После этого он пожал руку Романа и заявил: – Ну, давай, езжай к молодой жене. А мне тут... Но ладно. Работа есть работа.

– Вот тебе и тихий Балаев.

– Был тихим.

– А в тихом омуте, Боря, как известно, черти водятся. Не зря народ так говорит.

– Езжай! До связи!

– До связи!

Уланов без проблем выехал из районного центра и к вечеру воскресенья, 4 сентября, был уже в Переславле. Машину он оставил у торговой палатки, принадлежащей кавказцам, которые с готовностью «приняли» ее под охрану. Роман прошел домой, где тут же попал в объятия Людмилы.

Глава третья

Вечером того же дня в уютной, дорого обставленной гостиной, расположенной на втором этаже коттеджа, смахивавшего на дворец, собрались хозяин этого дома Алексей Михайлович Огурцов, его ближайший помощник Юрий Григорьевич Моренко, начальник охраны Ринат Фатихович Басалай и генеральный директор строительной компании «Бритис» Родион Петрович Буханов.

Огурцов пригласил гостей за стол, на котором стояли коньяк, виски, водка, бокалы, фужеры, закуска.

– Давайте, друзья, помянем Леонида Абрамова, безвременно и трагически ушедшего в мир иной, – проговорил Огурцов и усмехнулся.

Он разлил спиртное, каждому то, которое предпочитал именно этот человек. Алексей Михайлович прекрасно знал их вкусы. Все выпили молча, не чокаясь, присели на деревянные стулья с подлокотниками и высокими спинками.

– Теперь будут назначены новые выборы. Интересно, на кого поставит губернатор. Ему тут, как и везде, нужен свой человек, – проговорил Буханов.

– Кого бы ни предлагал и ни продвигал губернатор, а главой района должен стать я. Так оно и будет. Я верну себе то, что отнял у меня Абрамов, – заявил Огурцов.

– За это следует выпить, – сказал Басалай и поднял полный фужер.

– Не гони, Ринат, – сказал хозяин дома. – Сначала о деле поговорим. Мне после обеда звонил господин Радонский. Нашел-таки время депутат Государственной думы.

Буханов рассмеялся и произнес:

– Конечно, они же, эти самые депутаты, жутко занятые. Особенно Радонский. Я трижды договаривался с ним о встрече, ездил к нему, и каждый раз его не было на месте. Помощница объясняла, что барин по делам государственным отъехал. А он в это время ездил решать вопрос, касающийся его приятеля, ректора университета, расположенного где-то в Кузбассе. Тамошняя власть решила забрать у него участок земли, а он уже решил строить там собственный дом. На месте разругать эту проблему не удалось. Ректор обратился к нашему дорогому Максиму Ильичу, потом...

Огурцов прервал директора компании:

– Не о том говоришь. Да и не твоя это забота, Родя, что и как делает Радонский. Главное, что? То, что он дал нам заказ, который сперва принесет всем разовый хороший доход, а в последующем и постоянную солидную прибыль.

Буханов кивнул и сказал:

– Да, так и есть. Закрытый пансионат для избранных столичных нуворишей и чиновников рядом с райцентром это действительно круто.

– Данный вопрос нам сейчас и следует обсудить.

– Так я, Алексей Михайлович, готов хоть завтра перебросить в Коринку людей и технику. Дело за малым, отселить оттуда местных, а этим занимается ваш помощник.

Огурцов взглянул на Моренко и спросил:

– Что по отселению, Юрий Григорьевич?

– Работаем, Алексей Михайлович.

– Результаты вашей работы?

Моренко взял бокал, тут же поставил его на место и проговорил:

– В деревне восемь дворов. Проживают постоянно семь семей. В основном старики. Есть фельдшерица, та молодая. Да еще на отдых приезжает из Москвы супружеская пара с ребенком. Три семьи готовы переехать в Балаев, если их халупы будут обменяны на благоустроенные квартиры. Остальные пока упрямятся. Агитацию против переселения в Коринку ведет некий

Агеев Василий Федорович. У него сын в Чечне погиб. На Второй войне. Похоронен на местном кладбище. Так вот и Агеев и его жена даже слушать не хотят о переезде. Здесь, мол, вся родня похоронена, сын в том числе. Они будут лежать рядом с ними.

Басалай бросил в рот кусок сыра и прожевал:

– Это мы им можем в момент устроить.

Огурцов сурово взглянул на него и заявил:

– Дойдет и до тебя черед, Ринат.

Начальник охраны пожал плечами, продолжая жевать сыр.

Огурцов перевел взгляд на Буханова.

– Значит, Агеев с женой. Кто еще?

– Фельдшер, молодая бабенка.

– А она-то чего зацепилась за деревню? У стариков хоть пенсия какая-никакая, а ей на что жить? Кстати, она одна проживает?

– Одна.

– Чего так? Не нашлось жениха или баба стервозная?

– Ни то и ни другое. Эта самая Вера Голева была замужем, а вот детей у нее нет. Федор, муж этой особы, родом с Украины. Он подался на заработки в Москву, там нашел себе хохлушку и свалил с ней на родину. Голева оформила развод. Абрамов открыл медицинский пункт поблизости от Коринки, в селе Сантово, а эту бабенку назначил туда фельдшером. По слухам, люди довольны ею. Еще там против переезда Кузьмич. Имя и фамилию не помню. Все его Кузьмичом зовут, он сосед Агеева и, по-моему, одинок. Еще такая же плесень через дорогу обитает, дед девяноста лет. Сын собирается забрать его в город. С москвичами, приезжающими на отдых, я пообщался. Конкретно вопрос пока не ставил, но с ними, думаю, проблем не возникнет.

Хозяин дома кивнул. Моренко разлил по бокалам коньяк, виски, водку. Все выпили за нового главу района Огурцова Алексея Михайловича, закусили.

Потом он сказал:

– Надо ускорить процесс переселения.

– Три семьи на этой неделе перевезем, – проинформировал его Буханов.

– Нет! – заявил Огурцов.

– Но почему? Меньше людей останется, работать легче будет.

– Ты им хаты за свой счет покупать будешь?

– Но, Алексей Михайлович, для переселенцев подготовлен барак бывшей обувной фабрики.

– Вот именно. Если сейчас вывезти дряхлых стариков в этот барак, где ни туалета, ни воды горячей, холодная и та из колонки, то они мигом побегут в прокуратуру. Но там ладно, замнем, в конце концов нужные бумаги они подпишут. Хуже будет, если остальные жители деревни узнают, что их соседей попросту «кинули». Тогда ты уже ничего с ними не сделаешь. Посему весь народ должен быть перевезен в один день. Вот тогда пусть они бегут к кому угодно. Документы на размен будут у нас, составленные по всем правилам, по закону. Что они добьются? Ничего. Так и придется куковать в сарае. Но, как говорится, выживает сильнейший. Да и старикам недолго осталось топтать эту грешную землю. А я стану главой района, проявлю о них заботу. Ремонтник организую, покритикую прежнюю бездушную власть. Поэтому следует усилить прессинг на всю ту деревенскую плесень, о которой ты говорил, в том числе на фельдшерицу, да и на москвичей надавить. Пусть ищут другое место для отдыха, поближе к столице.

– Боюсь, я не справлюсь, – проговорил Моренко.

– Ты отходишь от дел, Юра. – Алексей Михайлович повернулся к Басалаю и распорядился: – Ринат, возьми на себя отселение.

Начальник охраны кивнул и произнес:

– Понял. В каком режиме работать?

– В жестком. Но не сразу. Еще раз, скажем, завтра вечером, когда все будут дома, навести деревню вместе со своими «быками». Местные знают их, да и ты в Коринке человек не новый. Предупреди, не хотят по-хорошему, будет по-плохому. А как именно, ты подумал?

Басалай поднял смартфон и проговорил:

– У меня тут скачан такой шикарный пожар. Горит частный дом. Из огня факелами выскакивают двое. Мат, ор, крики о помощи! Ролик что надо, и никакого отношения к нам не имеет. Это интернет. Такое зрелище способно нервы и крепкому мужику струной натянуть, что уж говорить о плесени, одинокой бабе и каких-то зачуханных москвичах.

– Хорошо. Завтра так и делай. Послезавтра посмотрим, подействовало или нет. Потом будем определяться. До следующего воскресенья мы должны переселить деревенских в райцентр, чтобы в понедельник Буханов начал переброску техники и людей. За успех нашего дела выпьем стоя и по полной.

Буханов взглянул на Огурцова и с сожалением заявил:

– У меня же печень, Алексей Михайлович.

– А у меня, по-твоему, ее нет?

Громко рассмеялись все, включая и Буханова, тут же выпили. В 23.00 гости разъехались по своим домам и квартирам. Остались только Огурцов и Басалай.

В комнате объявилась жена хозяина усадьбы, пышнотелая Наталья Степановна, кивнула мужу и начальнику охраны.

– Чего надо? – грубо спросил Огурцов.

– Хотела спросить, ужинать когда будем?

Огурцов посмотрел на Басалай и заявил:

– Да, и вправду пора поужинать. – Он повернулся к жене. – Что там у тебя?

– Отварная курица.

– Ты сама курица! Ничего другого не придумала?

– Но у тебя же язва, Леша.

– И что теперь? На каше сидеть, да на вареных курицах, которых не прожужеешь.

– Я провернула ее через мясорубку.

– Не заводись, Алексей Михайлович. Пусть будет курица, – проговорил начальник охраны.

– Да мне эта диета вот где! – Огурцов провел ладонью по горлу.

– А лучше, когда болит желудок?

– Но я ладно, а ты?

– Я не привередлив к еде. Что есть, тому и рад.

– Черт с тобой, – сказал Огурцов жене, – давай свою курицу.

– Через десять минут приходите в столовую, – проговорила женщина и вышла.

После этого Басалай заявил:

– Удивляюсь я тебе, Алексей Михайлович. Деньги у тебя водятся неплохие, а ты всего трех служанок держишь. Да и те тут лишь днем. На ночь только мои ребята при тебе остаются, у ворот в сторожке сидят.

– А ты предлагаешь пару десятков человек со всего города сюда согнать? Чтобы потом конкуренты на выборах пальцем в меня тыкали. Вот, мол, изображает слугителя народа, а сам чуть не полрайцентра на себя работать заставляет?.

Басалай ухмыльнулся и спросил:

– А разве, глядя на твой особняк, избиратели не скажут, как неплохо устраиваются их слуги?

– Этот коттедж на брата жены записан, он бизнесмен, может себе позволить. А у меня обычный дом на улице Вешней.

– Знаю. И еще одна хатенка на восточной окраине, так?

– Это уже не твое дело.

Сотовый Огурцова издал сигнал вызова.

– Кто это еще, – недовольно пробурчал бывший глава администрации и ответил: – Да?!

– Это я, дорогой, – услышал он.

– Катька? Я же просил вечером мне не звонить.

– Но я соскучилась, котик.

– Какой я тебе котик? Сколько говорить, не называй меня так!

– Но не петушком же.

– Я тебе дам петушка!

– Я, кстати, в нашем уютном гнездышке. Ты приедешь?

– Ты не знаешь, что сегодня произошло в городе?

– Нет, весь день спала. А что произошло?

Огурцов заметил заинтересованный взгляд начальника охраны, закрыл на мгновение динамик ладонью и прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.